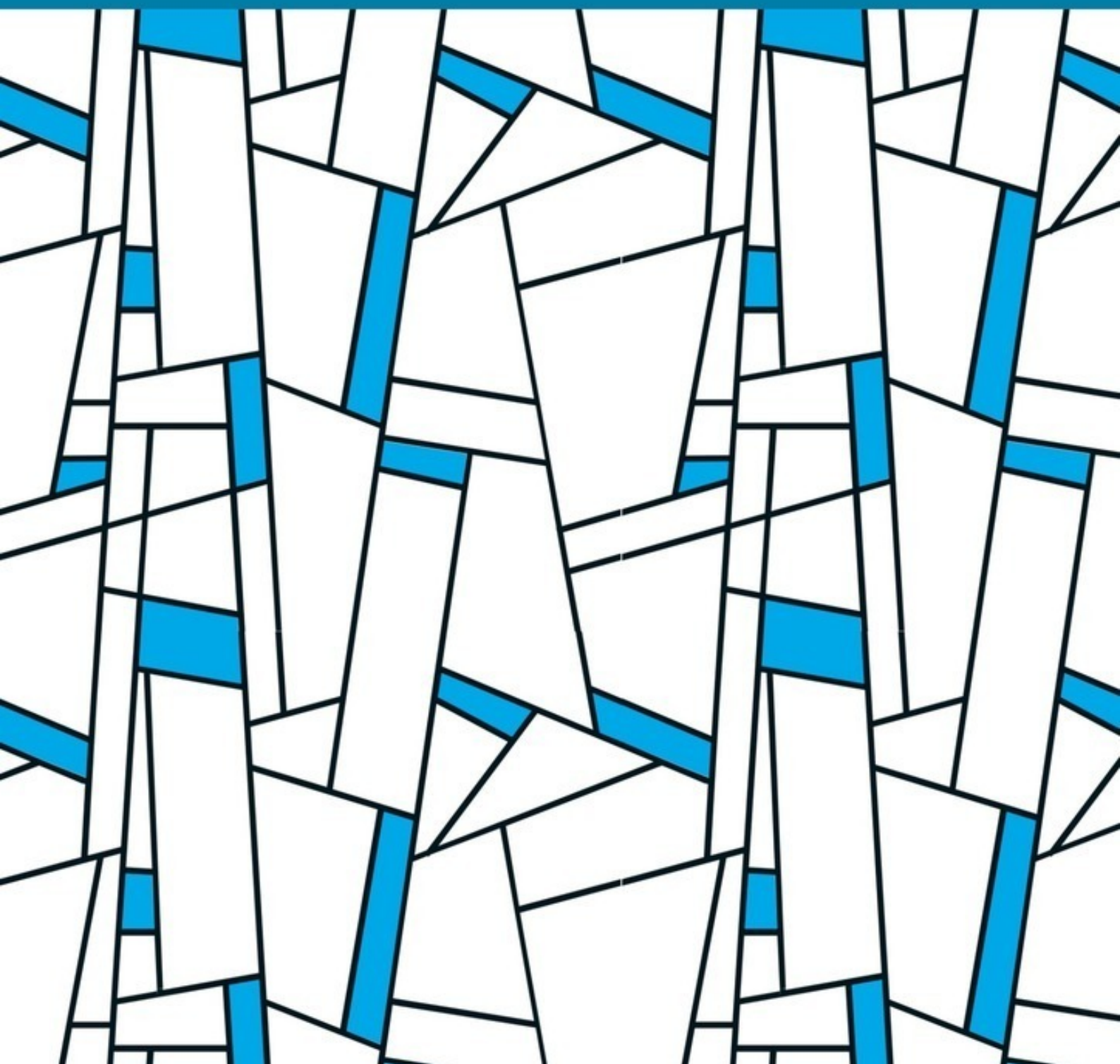

В. Б. Ли
Герой смутного времени

Книга первая. Начало

В. Б. Ли

**Герой смутного времени.
Книга первая. Начало**

«Издательские решения»

Ли В. Б.

Герой смутного времени. Книга первая. Начало / В. Б. Ли —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836209-5

Попаданец в тело умирающего Михаила Скопина-Шуйского, народного героя
в Смутное время. Будущий государь Русского царства.

ISBN 978-5-44-836209-5

© Ли В. Б.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Герой смутного времени

Книга первая. Начало

В. Б. Ли

© В. Б. Ли, 2017

ISBN 978-5-4483-6209-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В выходной день выбрался на дачу в Каменском плато, у подножия Заилийского Алатау. Место чудесное, чистый прозрачный воздух, приятная свежесть в жаркий майский день, прямо передо мной красивые горы, от разноцветных склонов до снежных вершин. Отдыхаю душой после трудной рабочей недели, вся моя группа с большим напряжением сил и нервов готовила презентацию проекта Восточной объездной дороги перед акимом города – заказчиком работы. Мы смонтировали на демонстрационных стендах макеты, графику, расчетные таблицы, красочные проспекты, скомпоновали техническую документацию. Руководство института осталось довольно нашим проектом, похвалило меня, как руководителя темы, и моих помощников. На следующей неделе ожидаем прибытия заказчика, у нас все готово к встрече с ним. Теперь расслабляюсь на свежем воздухе, понемногу копошусь на огороде, обрабатываю плодовые деревья и кустарники.

Вечером после ужина решил почитать, просмотрел в шкафу старые книги, заинтересовала потрепанная, без части листов историческая повесть о Смутном времени, почти забытом герое тех лет Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. В нашей памяти о той переломной эпохе Русского государства остались Борис Годунов и Лжедмитрий, Минин и Пожарский, а о юном, но зрелом не по летам государственном и военном деятеле мало что известно. Начал читать и увлекся, не смог оторваться, пока не закончил. Да, герой повести личность уникальная, в 23 года сумел добиться великих побед, всенародной любви. Неизвестно, как сложилась бы история Руси, если бы коварные враги не погубили его так рано. Под впечатлением от книги не смог еще долго заснуть, короткая и трагичная судьба народного героя заняла мои мысли, так и незаметно в думах о нем ушел в забытие.

Мне снится босоное детство в родительском доме, старый отец, читающий Священное Писание, рассказывающий о своих походах в Ливонской войне, детские забавы – летом игры в тычку или свайку, качели, жаркие схватки со сверстниками деревянными мечами, зимой катание на санках с гор, живейшее участие со взрослыми в обороне «снежного городка». Передо мной проходит отрочество, учеба с приглашенным учителем грамоте по рукописному букварю, счету и письму по прописям, чтение Часослова и Псалтиря. Смерть и погребение отца, воспитание с детьми дяди по матери Бориса Петровича Татёва, начало воинской службы под началом дяди в чине царского жильца, в семнадцать лет уже стал стольником. Затем служение Лжедмитрию, сопровождал Марию Нагую, признавшую самозванца за своего сына. После прихода к власти Василия Шуйского назначен им воеводой.

Переживаю свое боевое крещение в сражении против Болотникова под Москвой, на реке Пахре, первый успешный опыт командования отрядом, когда остановил превосходящие силы противника. Победа далась нелегко, потери были велики с обеих сторон, однако мятежников к Москве не пустили. Пришлось испытать горечь поражения под Троицком в составе объединенного войска под руководством брата царя – Дмитрия Шуйского, бездарного и трусливого воеводы. Затем оборона подступов Москвы у Яузских ворот, решительный бой у деревни Котлы, успех полка под командованием воевод Андрея Голицына, Бориса Татёва и моим. За выдающееся командование и победы мне пожаловано боярство, редкое в столь молодом возрасте, особенно за военные заслуги.

Между ратными делами решила моя семейная доля, матушка выбрала мне невесту, Александру Васильевну из рода Головиных. Провела смотрины, девушка мне понравилась, ладная, скромная, лицом приятная, потом свои чередом прошли сватовство, помолвка, а на рождество сыграли свадьбу, пировали три дня. Провели по принятому обычаю, заместо отца посажен двоюродный дядя Иван Андреевич Татёв, венчались в Успенском соборе, потом был пир горой, пришла вся родня, соратники. Второй день начинали с омовения – мы

с Сашенькой ходили «в мыленку», после свахи надели невесте кикку – головной убор замужней женщины. Нам преподнесли подарки, одаривали дорогими тканями и вышитыми платками дружек, сватов, а потом вновь сели пировать. На третий день свадьбы до и после застолья «были потехи», со скоморохами, хороводами, игрищами.

Вспоминаются последующие схватки с «воровскими» отрядами Болотникова под Калугой, Тулой, командование большим полком, что означало общее руководство всем государевым войском, взятие мятежного атамана и освобождение Тулы военной хитростью, затопили город построенной на реке плотиной. Царь щедро вознаграждал меня, одарил богатой Важской областью, а также селами Чарондой и Тотьмой, что на реке Сухоне. Не успела Москва возрадоваться окончанию мятежа, как пришла новая беда, объявился очередной Лжедмитрий. С пленением Болотникова в Туле гражданская война не закончилась, наоборот – вспыхнула с новой силой. Смутные времена и впрямь напоминали море, взбаламученное штормом. Увидев слабость законной власти, многие авантюристы и честолюбцы возжелали властвовать и править по своему усмотрению.

Когда в самозванце признали «Дмитрия Ивановича, праведное солнце», то к нему стали стекаться из окраинных мест «люде рыцерские», «охотные», «люди гулящий, люд своевольный». Казаки донские и запорожские, наемники из Польши, беглые холопы и остатки войска Болотникова и «царя Петрушки» – такова была пестрая армия нового самозванца, которых он привлекал главным образом тем, что «гроши давал». Поляки не скрывали, что новый самозванец не только испечен в польской печке, но и слеплен их руками: «Этого Дмитрия воскресил Меховецкий, который, зная все дела и обыкновения первого Дмитрия, заставлял второго плясать по своей дудке», так писал в своем дневнике «Тушинский вор» польский дворянин Самуил Маскевич, непосредственный участник и очевидец тех событий.

Увидев, что в России зарождается новая волна Смуты, из Польши за легкой наживой потянулись шляхтичи. Самуил Тышкевич, Роман Ружинский, Николай Меховецкий, Адам Вишневецкий, Александр Лисовский, Ян Петр Сапега – каждый из них вел с собой отряд, чтобы воспользоваться смутой и междоусобицей в Руси. Их появление в России было несравненно опаснее мятежа болотниковцев: ведь это были не чем попало вооруженные и плохо обученные крестьяне и вчерашние холопы, а опытные, профессиональные вояки, имевшие за спиной не один выигранный бой. Если удалось в России посадить на престол первого самозванца, рассуждала падкая до вольницы и наживы шляхта, отчего бы не попытать счастья и со вторым?

Война шла с переменным успехом, победа под Брянском и освобождение города, а вслед сокрушительное поражение под Болховом, опять же по вине Дмитрия Шуйского, давшего в критический момент приказ отступить. Объединенные войска самозванца и поляков, захватив царский обоз, спешно двинулись к московской столице. После встречных боев с царскими войсками расположились лагерем в Тушино. Так летом 1608 года в России появились два правителя – «царик» Дмитрий и «полуцарь» Василий, две столицы – Москва и Тушино, а со временем – две Думы, и даже два патриарха – в Тушине им станет доставленный сюда под стражей митрополит Филарет – в миру Федор Романов.

В середине июня царское войско вышло из Москвы в направлении Тушина, я назначен главным воеводой, встали под Ходынкой. Царь начал переговоры с послами Сигизмунда III об условиях их ухода из Руси, но они вероломно были прерваны внезапным нападением польских войск на потерявших бдительность войска царя. Разгром оказался страшным, с огромными потерями, полного краха избежали только мужеством большого полка, сумевшим справиться с паникой и отбросить врага. Василий Шуйский стал стремительно терять бразды правления в государстве, все больше городов, бояр, даже войска отказывались исполнять его указы. Самозванец же, напротив, набирал силу, многие земли отходили под его руку. Для государства наступил самый тяжелый момент с начала Смуты.

Царь решил обратиться за военной помощью к шведам в обмен на территориальные уступки, отправил меня вести переговоры с послами Карла IX, назначил наместником Новгорода и командующим всего будущего войска. Не просто сложились обстоятельства в Новгороде, тянувшие с переговорами шведы, волнения в городе, нападения войск Тушинского вора. Допустил ошибку, поддавшись на уговоры воеводы Татищева, сбежал с ним и казной из города. После по просьбе новгородчан вернулся, но угрызения в малодушии или излишней доверчивости остались. Постепенно со всего северного Поморья собиралась рать, в марте 1609 года прибыло шведское войско под командованием Якоба Делагарди.

В мае началось «очищение Московского государства», совместное русско-шведское войско под моим общим командованием освободило от противника Старую Руссу, Торжок, Порхов, подступило к Пскову. Не стали его осаждать, продолжили освободительный путь в направлении Москвы. Почти год понадобилось пройти от Новгорода до Москвы, одерживая победы или терпя неудачи с неверными наемниками. Наше войско обрастало уже своей ратью, к завершению похода набрали уже достаточно сил для снятия осады Москвы Тушинским вором. 12 марта 1610 года наше войско вошло в Москву. Город встретил нас великими почестями, ликованием народа, во всех церквях звонили колокола, радостные москвичи высыпали за деревянные стены Скородома встречать победителей.

В Москве кроме почестей и наград меня ждала кляуза Дмитрия Шуйского царю на мое самоуправство, умысел занять престол, в других надуманных грехах. Он не скрывал злобы ко мне, по-видимому, мучившийся завистью к моей воинской славе, царю пришлось даже одернуть своего брата. Завистник не унялся от своих козней, распространял злые слухи обо мне. Я избегал встреч с ним, но на пиру по случаю крестин сына князя Ивана Михайловича Воротынского, столкнулся с супругой своего недруга. Князь попросил меня стать крестным отцом младенца, крестной же матерью оказалась Екатерина Шуйская, дочь небезызвестного опричника Малюты Скуратова. Я принял чашу с вином из ее рук, выпил, вскоре мне стало плохо, едва успел добраться к дому. Начались сильные боли в животе, пошла кровь из носа, в глазах помутнело и я потерял сознание.

PS. Факт отравления Михаила Скопина-Шуйского подтвержден исследователями. В останках воеводы они обнаружили комбинированный яд, содержащий соли ртути и мышьяка: солей ртути оказалось в 10 раз больше признанного естественным фоном, превышали допустимую норму и соединения мышьяка. Это случилось в апреле 1610 года от Р.Х. или по принятому тогда на Руси летоисчислению – 7119 года от Сотворения Мира. После нескольких суток страдания 23 апреля, в день памяти великомученика Георгия, Михаил Скопин отошел к Богу.

Песни о Скопине-Шуйском пелись по всей России – от Терека до Онеги...

А и тут боярам за беду стало,

В тот час оне дело сделали:

Поддержнули зелья лютова,

Подсыпали в стокан, в меды сладкия...

«А и ты съела меня, кума крестовая,

Молютина дочи Скурлатова!

А зазнаючи мне со зельем стокан подала,

Съела ты мене, змея подколодная!»

Глава 1

Медленно, тягуче, выхожу из забытья, приходит мысль, что же мне привиделось – сон или воспоминания молодого воеводы, наведенные в мое подсознание? Если сон, навеянный под впечатлением прочитанной книги, то как могли взяться детали – события, действующие лица, одежда, обстановка, которые в повести не описаны, а я их видел отчетливо, как будто сам все это пережил. В такой неопределенности возвращаюсь из полудремы в реальный мир. Открываю глаза, ошеломленно оглядываюсь вокруг, увиденное не проясняет, а еще более запутывает меня. Ощущение, что сон продолжается, то же помещение, мебель, убранство, как в последней виденной сцене из жизни Михаила Скопина-Шуйского.

Закрываю глаза, отрешаюсь от суматошных мыслей, проверяю свою память и рассудок (грешным делом подумал, а все ли с ним в порядке?). Четко представляю, я Иванов Сергей Владимирович, сорока четырех лет, женат, двое сыновей, главный инженер проекта (ГИП, как нас называют) НИИ транспорта и коммуникаций. Вчера провел день на даче, прочитал занимательную книгу о герое Смутного времени, затем заснул в своей постели, а не в увиденной большой палате на обширном ложе, усталом мехами. Нужна дополнительная информация, а не заниматься гаданием своего состояния. Вновь открываю глаза, внимательно рассматриваю интерьер, нет сомнения в древности окружающей обстановки, я не у себя на даче.

Разглядываю свое тело (или не свое?), оно совершенно незнакомо мне. Поднимаю ближе к глазам руку – мощную, увитую взбухшими венами, отнюдь не похожую на мою прежнюю тонкую и хрупкую кабинетного работника, никогда не увлекавшимся спортом. Да и все новое тело дышит мощью и молодостью, правда, сейчас изнеможенное, как после долгой болезни. Слабость чувствуется при каждом моем движении, не могу удержать руку, она падает. Без сил закрываю глаза, вновь ухожу в забытье.

Сквозь сон чувствую прикосновение чьей-то горячей руки. Открываю глаза, вижу милое лицо молодой женщины, из воспоминаний Михаила узнаю его жену. Она обеспокоенно смотрит на меня, глаза заплаканные. Пытаюсь как-то успокоить ее, через силу приветливо улыбаюсь ей.

Она неверяще распахивает глаза, а потом радостно вопрошает: Мишенька, ты очнулся! Как чувствуешь, соколик мой?

По-видимому, она принимает меня за своего мужа или я – это он? Так, мне надо разобраться, кто я, но позже, пока же отвечаю, слова сами произносятся, почти на автомате: Хорошо, ладушка, только еще слаб. Отдохну немного и будет лучше.

Девушка засуетилась вокруг меня, поправила подушку, меховое одеяло, дала попить какого-то отвара, а потом высказала: Мишенька, ты поспи еще, а я пойду, маменьку обрадую.

После прижалась к моей груди и выпорхнула из комнаты.

Судя по реакции Сашеньки, это имя подсказывает моя (?) память, я сейчас в теле Михаила Скопина-Шуйского, чья жизнь прошла в моем сне-забытье. Но тут же возникает вопрос, он же умер, отравленный своими недругами, а тело, в котором я обитаю, отнюдь не мертвое, произвольно проверяю, двигаю руками-ногами. Как же можно объяснить перенос моего сознания (это уже я понял) в тело Михаила, пусть и слабое после недуга, но вполне живое? Возможно, что неведомая сущность перенесшая меня, озаботилась также и об организме моего реципиента, очистив его от яда, для каких-то своих целей. Возможен вариант, что я попал в какую-то другую реальность или параллельный мир, где Михаил все-же выжил, но душа его решила освободить место мне. Но, в любом случае, надо жить дальше, пусть и в чужом теле.

Мне предстоит непростая задача, встроиться в нынешнюю жизнь Михаила, общаться с близким кругом, особенно с женой и матерью. Хотя переданные Михаилом воспоминания довольны подробны, но могут появиться какие-то нюансы, отличающие меня, существа

из 21 века, от настоящего владельца этого тела. Надо придумать весомую причину для моего «беспамятства», хотя особой необходимости нет, сама болезнь, возвращение с того света как-то его объясняют. Кстати, каких-то признаков присутствия Михаила, его сознания, не чувствую, так что помощи от него не будет, придется рассчитывать только на себя. Пока же мне мне надо набраться сил, встать на ноги, при этой мысли приходит ощущение страшного голода, нужно срочно поесть.

Позвал жену, она тут же прибежала, за ней вступила в мою комнату мама, дородная боярыня со строгим лицом. На ней держится дом, после смерти мужа тянет хозяйство одна, да и сейчас также, Михаил чаще в разъездах и баталиях. Княгине Елене (Алене) Петровне сорок лет, вдовствует уже пятнадцатый год, ее властный и сильный характер помог выстоять в трудные годы, привить сыну своим жизненным уроком стойкость и твердость духа. Сейчас лицо мамы озаряет счастливая улыбка, к ней вернулась надежда на выздоровление единственного сына. Хотя она по сути мне чужой человек, но эмоции тела как-то передаются в мое сознание, я тоже с радостью встречаю ее и Сашеньку. На вопрос мамы о моем здравии, прямо заявляю о своем желании: Очень хорошо, маменька, готов съесть кабанчика!

Тут уже хозяйка дома взяла бразды в свои руки, забежали санные девушки, поднесли ближе к ложу небольшой стол, застелили чистой скатертью, заставили всякими кушаньями. Присел к столу, мне полили на руки воду из кувшина, дали вытереться полотенцем, я вслух произнес «Отче наш...», а затем медленно, сдерживая желание наброситься, принялся кушать. С превеликим удовольствием, не скупясь на похвалы, поел щей с курятиной, томленную кашу, добрую треть печеного гуся с яблоками, творожные сырники со сметаной, запивал горячим сбитнем. Правда, названного мною кабанчика не было, о чем матушка сказала сразу, а гусь мне, не совсем здоровому, будет кстати, с чем я с готовностью согласился.

Как не удерживал себя, все же уплетал за обе щеки, я, прежний, никогда бы столько не осилил. Возблагодарил за трапезу молитвой «Благодарим Тя, Христе Боже наш...», своих домочадцев, затем с блаженством снова возлег на ложе. Ответил на вопросы матушки и Сашеньки о происшедшем со мной на пиру, их предположение о моем отравлении пока не стал поддерживать, но заверил, что меры к розыску истины предприиму и взыщу с виновного. Матушка тут же предостерегла об осторожности, слишком высоко, под боком у государя, восседают мои недруги. С этим опасением согласился, буду предусмотрителен, а пока мне надо набраться сил и хорошо все обдумать. Мои слова восприняли буквально, матушка и Сашенька, благословив, оставили меня одного.

Раздумываю о случившемся переносе в чужое тело, сложившейся ситуации, своих действиях в ближайшем будущем. Тайна вселения мне неизвестна, да и вряд ли когда-нибудь она откроется. Могу предположить, что мое сознание сроднилось с мятущейся и неуспокоенной душой погибающего Михаила, через века перенеслось в покинутое ею тело с предназначением дать ей отдохновение, воздать по заслугам недругам, спасти отечество от предстоящих невзгод. Приняв такую версию, размышляю о своих дальнейших шагах. Не только из чувства справедливости, но, в первую очередь, собственной безопасности, надо мне нейтрализовать своих врагов и недоброжелателей. Из воспоминаний Михаила, а также приведенных в книге сведений, их у меня хватает, даже с избытком.

Начинать счет надо с самого царя, именно при его попустительстве и тайной поддержке произошло отравление моего «предместника» у князя Ивана Воротынского, свояка Василия Шуйского. Царь, чье положение на троне было весьма шатким, воспринимал всенародную любовь к «спасителю отечества», заявления видных бояр, прямо прочавших Скопина-Шуйского на престол, как прямую угрозу своему правлению, да и подзуживание брата, Дмитрия Шуйского, других завистников добавляло в этом уверенности. А заверениям Михаила о его преданности не верил, сам также клялся вначале Годунову, затем Лжедмитрию I, плетя против них заговоры.

Такое же отношение к быстро набирающему политический вес молодому воеводе испытывали другие представители семейства Шуйских, не только одиозный Дмитрий, а также могущественные кланы Татищевых, Голицыных, Романовых, строивших свои планы на престол. Михаил мог рассчитывать в той или иной мере на поддержку Ляпуновых, Шереметевых, Шеиных, Одогуровых, Хомутовых и, конечно, родичей со стороны матери и жены – Татевых, Головиных. Нельзя не учитывать влияние высшего духовенства, в особой мере – патриарха Гермогена, до последнего дня поддерживавшего Василия Шуйского. Правда, в оппозиции к нему стоит митрополит Филарет, бывший патриархом Лжедмитрия II, но у него свой ставленник – сын Михаил Романов.

Ясно понимаю, что прямая конфронтация с царем, могучими семействами сейчас мне не нужна, время Михаила еще не подошло. Да и вносить новую Смуту в раздираемую гражданской войной страну невозможно как по совести Михаила, так и моей, тем более в условиях начавшейся интервенции в Русское царство польско-литовского войска короля Сигизмунда III, сейчас осаждающего Смоленск. Надо честно исполнять свой воинский долг, изгнать захватчика с оккупированных им земель. Нельзя допустить разгрома русского войска, произошедшего в прежней истории по вине Дмитрия Шуйского, назначенного командующим вместо умершего Скопина-Шуйского.

24 июня 1610 года у деревни Клушино, недалеко от Гжатска, с таким трудом собранное, обученное и завоевавшее не одну победу войско было разбито польской армией под командованием гетмана Станислава Жолкевского. Командующий царским войском бежал с поля боя первым, бросив войско, знамена, обоз, даже свою саблю. Вслед за военным поражением братья Шуйские лишились и власти. 17 июля 1610 года царь Василий был низведен с престола, насильно вместе с женой пострижен и заточен в Пудовом монастыре, а затем с братьями отправлен московскими заговорщиками подальше от России – в Польшу. Там на сейме в Варшаве Юриковичи претерпели небывалый для русских царей позор – вымаливая жизнь у короля Сигизмунда III.

Мне нужно во чтобы то ни стало избежать подобного исхода, пусть даже с таким слабым царем. Я должен сделать все, что в моих силах, но не допустить покорения Руси поляками, на два с лишним года закабалившими страну, предательства Семибоярщины, сдавшей Москву захватчику. Это долг Михаила, переданный мне его неупокоенной душой, и я принял его. Что мне нужно предпринять, как действовать дальше, обдумая чуть позже, сейчас надо встать на ноги, вжиться в новую жизнь.

Вышел во двор, погрелся в теплых лучах утреннего солнца, приятное ощущение просыпающегося здорового и сильного тела. Да, природа щедро наградила Михаила богатырской статью, кровь уже бурлит, организм требует выхода неумеренной энергии. Зову домашнего слугу, наказываю принести саблю, не жалованную царем, с камнями и в золотых ножнах, а свою походную. Ухожу на задний двор, провожу разминку. Сам я никаким опытом фехтования холодным оружием не обладаю, пытаюсь повторить виденное в воспоминаниях Михаила, да и рассчитываю на память тела, выработанные в течении многих лет рефлексy. Медленно поднимаю саблю, принимаю исходную стойку, приходит чувство единения с оружием.

Выполняю начальные приемы – удар в голову слева и справа, задний удар, в грудь – высокий диагональный и низкий, в живот, различные уколы. Первая проба сопровождалась неуверенностью, я пытался сам подетально проводить приемы, а потом просто отдался автоматизму тела, четко и рационально выполняющему каждое действие, я только мысленно отдавал ему команды, что мне нужно. Перешел к сложным комплексам, каскадам, все получается безупречно. После часовой тренировки принял холодный душ, слуга окатил бадьей воды из колодца, переоделся в чистое и вернулся в дом. Можно считать, проверка навыков прежнего тела Михаила прошла успешно, после надо будет позаниматься с палашом, пикой, да и с пищалю не лишнее.

В эту ночь познал свою жену, она пришла сама после ужина, когда я при свете свеч разглядывал схемы построения войска в рукописном труде «Устав ратных дел» Онисима Михайлова, написавшего его по заданию царя Василия. Сашенька зашла в комнату несмело, просительным тоном спросила: Мишенька, можно мне остаться с тобой?

Встал из-за стола, подошел и обнял ее: Конечно, милая, и сегодня, и завтра, каждый день и ночь, я буду рад видеть тебя рядом, – а потом крепко поцеловал ее в сахарные уста.

Сашенька обмякла, я поднял ее на руки, отнес на наше ложе. Стал медленно раздевать жену, она приподнялась, помогая мне. Когда полностью обнажил, залюбовался ее телом, ладном, сочным, налившемся после родов первенца, Василия. Он появился на свет во время наместничества Михаила в Новгороде, но через месяц умер от неведомой горячки, спасти не удалось. Думаю, надо нам постараться родить еще сына, наследника. Сашенька засмущалась под моим горячим взором, потупила глаза и попросила: Мишенька, мне стыдно, погаси, пожалуйста, свечи!

Иду навстречу ее пожеланию, нынешние женщины весьма скромны в постели, раздеваюсь сам, ложусь рядом с супругой. Стараюсь особо не отличаться от поведения Михаила, но вношу некоторые эротические действия, любовные ласки, не известные в пору Домостроя. Сашенька вначале затаилась, когда я стал целовать все ее тело, а потом раскрылась, отозвалась на мои ласки. Мы сошлись в любовном экстазе, Сашенька дошла до оргазма, закусила подушку, чтобы не кричать на весь дом. Мы занимались любовью несколько часов, раз за разом повторяя блаженство слияния, а потом, обессиленные, в объятиях друг друга, заснули.

Еще неделю провел дома, восстанавливал навыки владения оружием, читал труды и заметки Михаила о воинском искусстве, о великих полководцах Ганнибале, Александре Македонском, римских стратегах, «ратной хитрости в воинских делах» в разных странах – Италии, Франции, Испании, Голландии, Англии, в королевстве Польском и Литовском. Особенно интересовала Михаила в иноземном опыте тактика сражения пехоты против конницы, более всего привлекали приемы нидерландцев, которые широко использовали любое прикрытие – земляной вал, насыпь, загородку, временный частокол, – лишь бы пехотинцы могли вести из-за них огонь. В московской осаде Скопин убедился, что можно успешно применять и русское изобретение – «гуляй-город», и не только во время осады, он учился у опытных полководцев использовать «гуляй-город» при расположении в лагере, укрываться в нем полкам на марше.

Собственных военных знаний и умений у меня практически нет, если не считать давно забытые занятия на военной кафедре строительно-дорожного института, да редкие учебные сборы офицеров-запасников. Сейчас же я стараюсь в самые короткие сроки усвоить, пережить своим умом богатый опыт, довольно обширные знания моего предшественника в этом теле. Надеюсь, что провидение (или душа мученика), переселившее мое сознание, не обделило воинским даром, позволит выполнить свое предназначение. Освоение материала идет стремительно, я, как губка, впитываю новые знания, складывается ощущение, что все читаемое мне давно известно, просто восстанавливаю воинское мастерство. Воспоминания Михаила незаметно переходят в мой жизненный опыт, во мне как-бы объединяются в органичном синтезе две личности, без разлада и душевных потрясений.

В минувшую неделю меня навестили соратники по освободительному походу – Семен Головин, Федор Шереметев, Корнило Чоглоков, Лазарь Осинин, Тимофей Шаров, Семен Одоуров, Яков Барятинский. Возрадовались моему выздоровлению, рассказали о делах в полках, стоящих на квартирах в Александровской слободе, о подготовке похода к осажденному Смоленску. Рассказали о горячих новостях, у всех на слуху внезапная кончина Дмитрия Шуйского, с ним недавно случилась «апоплексия», не приходя в чувство, он помер, вчера была тризна. Царь в великом горе устроил пышные похороны, велел возложить усопшего в собор Архангела Михаила. Так, опять чье-то вмешательство, кто-то неведомый расчищает мне дорогу, убирает недруга.

Каждую ночь старательно трудимся с Сашенькой над зачатием будущего наследника. Жена привыкает к моим фантазиям, охотно идет навстречу в не всегда скромных любовных играх. Пресловутой холодности боярской барышни в ней нет, темперамент огненный. Да и мое тело меня не подводит, так что мы с упоением занимаемся любимым делом, по несколько часов кряду. Сашенька расцвела, нет и тени былой тоски, летает по дому, как на крыльях. Матушка с виду иногда ее отчитывает, боярыня должна вести себя величаво, неспешно, но сама рада нашему счастью, видно по ее ласковым взглядам на нас. Вместе наведались в Успенский собор, помолились в благодарение за посланное мне выздоровление, внесли щедрые дары. В божьем храме, встреченные по пути люди громко радуются моему исцелению, желают многие лета и здравия, ответно кланяюсь миру.

Почувствовав себя достаточно окрепшим, полным сил и не теряя больше времени, отправился в Александровскую слободу, к своему войску. По прибытию собираю командный состав, принимаю рапорт, а потом лично обхожу все полки и отряды, также, как ранее Михаил. Встреча с командирами и воинами получилась душевной, вижу искреннюю радость и готовность идти со мной на бой с врагом. В полках существенное пополнение, идет учеба новобранцев, слаживание действий подразделений – пехоты, кавалерии, артиллерии. Мои помощники имеют большой опыт подготовки новых бойцов, их обучения в ходе маршей и боев, не только в лагерьях, так что дело ими налажено со знанием.

Сначала с воеводами, затем с младшими командирами обсудил введение в нашем войске нового построения во время боя – линейного строя. Впервые его применили в нидерландской пехоте, заменив им привычные для европейских армий квадратные каре. Развернутый в шеренгу строй позволил кратно усилить огневой залп пехоты, при этом первая шеренга после выстрела уступала место второй и так неоднократно, до шести шеренг и более. Такой строй дает огромное преимущество применившему ему, именно о нем мне пришлось в голову в раздумьях, как победить поляков, причем малой кровью. Мои командиры не сразу поняли и приняли новшество, пришлось не раз объяснять и убеждать их. А после стали отрабатывать с подразделениями, многократно повторяя каждый прием, пока не получили приемлемый результат.

Провели общее учение полков, есть еще огрехи, но счел в большей мере войско готовым к сражению с иноземным врагом, идти в поход к Смоленску. Возвращаясь в Москву, направляюсь в царский дворец, в сенях обращаюсь к дьяку передать государю просьбу принять меня по неотложному делу. Ожидаю приема около часа, только потом дьяк приглашает пройти в царские палаты. Василий Шуйский встретил меня не очень приветливо, без обычной сердечности, пусть и напускной. Прошу разрешения доложить о готовности войска к походу, после милостивого: Дозволяю, – приступаю к краткому отчету, завершаю доклад просьбой разрешить выйти в поход в самое ближайшее время. Царь дал добро и тут же добавил, что со мной отправятся воеводами полков правой и левой руки Андрей Васильевич Голицын и Данила Иванович Мезецкий. Общее руководство полками и шведским корпусом остается за мной.

Мне на память приходит, что именно эти воеводы с Дмитрием Шуйским повинны в разгроме русского войска под Клушино в прежней истории, но оспаривать бесполезно, они посланы, в первую очередь, как соглядатаи за мной. Хорошо, думаю, я найду способ нейтрализовать их, не допустить к командованию полками. Почтительно принимаю волю государя, отправляюсь восвояси. Еще две недели ушли на снаряжение обоза, получение припасов, продовольствия, а также денег из казны для оплаты наемникам Якоба Делагарди. Не раз мне приходилось ездить из Москвы в лагерь и обратно, спорить до хрипоты, выбивать из волокитчиков в приказах положенное довольствие и снаряжение. Наконец, в конце мая наше немалое войско вышло из Александровской слободы на запад, к Смоленску.

Глава 2

Войско в походе растянулось на добрых десять верст – 30 тысяч русских ратников, пять тысяч шведских наемников, артиллерия, кавалерия, обозы. Погода сухая, нежаркая, идти легко. С первого дня установил строгий походный порядок, с разведкой впереди по маршруту, боковым охранением, на стоянках временные заслоны, в особо опасной местности ставим «гуляй-город». В день проходим по тридцать верст, вначале давалось с трудом, особенно новобранцам, затем втянулись. Идем через Можайск, далее Вязьму, тракт обустроенный, правда, придорожные заведения – постоялые дворы, казенные магазины, а также деревеньки и села, – зачастую порушены или покинуты обитателями, война прошла здесь не раз. Проходим известное из прежней истории место под деревней Клушино, уделив особое внимание разведке, но поляков не обнаружили, мы идем на две недели раньше прежнего срока.

И только под Вязьмой наши дозоры заметили вражеские разъезды. Приказал встать лагерем на выбранном советом воевод месте, обустроили временные укрепления, отправили разведку в разные стороны на расстояние дневного перехода, наказав по возможности взять пленных. Через несколько часов поступили первые донесения от разведчиков, обнаружен лагерь крупного отряда поляков в десяти верстах от нас. Еще через час привели пленного «крылатого» гусара, взяли его тихо, вне лагеря. Пришлось потрудиться, пока «развязали» ему язык, но все же мне удалось понять, что этот польский отряд именно тот, что нанес поражение войску Дмитрия Шуйского под Клушино, в нем около семи тысяч кавалеристов, в основном «крылатых» гусар, пехоты почти нет. Командует отрядом «обидчик» русского войска гетман польный коронный Станислав Жолкевский.

Пришел мой час мщенья, но нужно отнестись к врагу со всей бдительностью. Успех решительного и изобретательного Жолкевского в прежней истории в первую очередь был обусловлен беспечностью русского войска, рассчитывавшего «шапками закидать» противника, уступающего по численности в пять раз! И когда на рассвете неожиданно налетели польские гусары, практически никакого организованного сопротивления не было, русское войско в панике бежало, избиваемое врагом на протяжении десятков верст. Среди первых бежал главнокомандующий Дмитрий Шуйский, бросив все, даже свою саблю и воеводскую булаву. Вспоминается притча, что лев во главе стада баранов сильнее барана, возглавляющего львов. Сейчас со мной то же войско, но я не допущу такого позорного разгрома, изменившего дальнейшую судьбу многострадального отечества.

Собираю воевод на совет, передаю полученную от пленного информацию. Реакция большинства из них ожидаемая – мы их одним махом побьем, дай нам только сойтись в бою. Даже многоопытный Якоб Делагарди высказался почти теми же словами: Михаил, не беспокойся, нам противник не страшен. Возьмем в плен Жолкевского, я подарю ему в утешение соболью шубу, как он когда-то мне подарил рысью.

Якоб напоминает рассказанную мне историю, что когда Жолкевский взял его в плен, то в насмешку одарил этой шубой, теперь жаждет дать отместку. Особенно расхрабрились царские воеводы, Голицын и Мезецкий, настаивают на немедленной атаке противника. Останавливаю «храбрецов» выговором, что поспешность, необдуманные решения к добру не доводят, воевать надо не числом, а умением. Продолжать пререкаться со мной не стали, но затаили свое недовольство, потом выдадут царю в своем свете. Другие воеводы стали серьезнее, совет пошел в более конструктивном русле. Общими думами решили не идти нахрапом, противник или уйдет от прямого столкновения, чтобы потом наносить неожиданные удары, пользуясь своей мобильностью, или подготовит какие-либо ловушки, а после также уйдет в отрыв.

Я предложил план, который приняли и детально проработали. Исходил из идеи, что если в прежнем варианте истории он дерзнул напасть на лагерь превосходящего противника, пользу-

ясь внезапно, то вероятно решится и сейчас. Нам надо позволить ему с основными силами втянуться в лагерь, а затем заблокировать и не дать уйти. Для этого за пределами лагеря нужно обустроить скрытые острожки и засеки, разместить в засаде наиболее боеспособные подразделения из опытных бойцов, которые должны дать врагу пройти к лагерю, а затем встать на его пути при отходе. В самом лагере демонстрировать неготовность к отпору, по внутреннему кругу установить надежные укрытия и артиллерию, при налете гусар всем отходить к нему и там встретить точным огнем.

Из прочитанной истории мне известно, что Жолкевскому сообщили о нашем подходе два перебежчика из отряда Делагарди, к концу дня направился к Якобу, попросил проверить личный состав. Через некоторое время один из его командиров подтвердил мои подозрения, двоих на месте нет. После дал команду Семену Головину, назначенному командиром засадного отряда, приступить к обустройству укреплений, а ночью залечь в засаду. В самом лагере также приступили к работам по плану, перенесли пушки, собрали, но не поставили на повозки «гуляй-город», расчистили пути отхода, приготовили колючки, норы и другие ловушки для лошадей противника, своих же завели в круг. Трудились до самой ночи, но в основном успели обустроить и замаскировать.

В рассветный час наши дозорные заметили приближающегося врага, дали условный сигнал. Лагерь затаился, никто не спал, только караульные делали вид, что они сидя засыпают. Враг поймался на уловку, с тихими командами всадники бросились в атаку. По свисту дозорных все «спящие» быстро соскочили, стремглав бросились по специально оставленным между ловушками проходам в защищенный круг, а его защитники уже ставили и укрепляли «гуляй-город». Когда гусары ворвались в лагерь, последние ратники скрылись за надежным укреплением. Набравшие ход всадники продолжили стремительную атаку, и тут для них начались «сюрпризы» в виде ловушек и дружного огня стрелков и пушек. Редко кто добрался до укреплений, большая часть стала разворачиваться, образовалось столпотворение, увеличивая сумятицу среди напавших. Наш огонь собрал обильные жертвы, мало кому удалось выбраться из лагеря, а там их встретила наша засада.

После, когда бойня закончилась, посчитали потери сторон. У поляков убитыми и ранеными оказалось около пяти тысяч воинов. Сдались в плен более тысячи, среди них сам гетман, ушла из нашей ловушки только малая часть, меньше тысячи. С нашей стороны погибших меньше сотни, в основном из засадного отряда, раненых больше. После весь день занимались расчисткой лагеря, восстановлением укрытий, пленные хоронили своих погибших соотечественников. Лечением раненых занялись наши лекари, как своих, так и поляков, но многие не выжили. Отправил Жолкевского с конвоем в Москву, а также свой рапорт о сражении. Первый в моей судьбе бой завершился полным успехом.

После суточного отдыха отправились дальше на выручку героическому Смоленску. Настрой у воинов приподнятый, бодрый, понятный после такого почина, может быть, даже излишне. Предостерег своих помощников не ослаблять осторожность, пресекать зазнайство и головокружение от успеха. Польское войско очень сильное, а «крылатые» гусары одни из лучших в Европе, нам удалось побить их за счет неожиданности, в подготовленном лагере. В открытом поле нельзя ожидать легкой победы, потребуются все наше воинское мастерство и стойкость.

Воеводы прочувствовали мои доводы, сумели внушить своим ратникам, их отношение к врагу и будущим сражениям стало более сдержанным, внимательным. В командовании Правого и Левого полков провел перестановку, первыми воеводами поставил Федора Шереметева и Семена Головина. Назначенных царем воевод Голицина и Мезецкого перевел своей властью к ним в помощники. В ответ на претензию о неуместности такого назначения пригрозил отстранить от войска и отправить в Москву под конвоем за неподчинение командующему в боевых условиях, после чего они обижено замолкли.

До самого Смоленска нам еще несколько раз встречались польские отряды, но они в бой не вступали, немедленно ретировались при нашем приближении. По-видимому, разгром сильной, можно сказать, элитной группировки и пленение самого польного гетмана повлияли на боевой запал авангардных групп польско-литовских войск, не захотели на себе испытать силу нашего удара. Встреча с основными силами противника произошла 20 июня на правобережье Днепра у деревни Колодня, в 7 верстах от Смоленска. Переправились через Днепр выше по течению, на Соловьевом перевозе, отсюда маршем направились к лагерю поляков. Наши разведчики постоянно следили за действиями и расположением неприятеля, захватили пленных, так что мы знали достаточно о противостоящих силах.

Общая численность армии короля Сигизмунда III под Смоленском после потери отряда Жолкевского составляет 22 тысячи человек. Против нас в лагере 18 тысяч, часть войск осталась блокировать осажденный город. Основную силу представляют коронные войска, с ними литовские под командованием Льва Сапеги, несколько тысяч запорожцев и реестровых казаков гетмана Петра Конашевич-Сагайдачного. Общее командование в отсутствие Жолкевского принял на себя король, как стратег ничем не выдающийся, практически за него руководит Сапег. Боевой дух объединенных войск после разгрома и пленения польного гетмана не на высоте, среди некоронной части волнения и шатания, появились дезертиры. Надо воспользоваться таким немаловажным фактором, организовать панику в их рядах.

Встали лагерем в поле в трех верстах от противника. Левый фланг упирается в Днепр, правый расположился на окраине леса. Воздвигли острожки, земляные валы со рвами, редуты для пушек, поставили «гуляй-город». Пока мы обустривались, враг не предпринимал каких-либо активных действий, только вдаль замечаем его разъезды, следят за нами, также, как наши разведчики. Вечером, когда закончили с подготовкой лагеря, собираю воевод на совет, рассказываю о данных противника, вместе приступаем к выработке плана решающего сражения. Наряду с традиционными приемами – с застрельщиками, атакой Большим полком, применением защитных укреплений для отражения атаки кавалерии, ввели неизвестные противнику новшества.

Кроме изученного нашими стрельцами линейного строя изменили также тактику нанесения главного удара, направленного на самый сильный участок боевых порядков неприятеля. А когда противник стянет сюда свои основные силы, бросить в бой свои резервы, направить лавину кавалерии на какой-нибудь особенно оголенный отрезок неприятельского фронта. Такую тактику с успехом применила английская армия, аналогичную использовали шведы. Кроме того, для наведения паники в лагере поляков решили одновременно с началом боя организовать силами специальной группы легкой кавалерии рейд по тылам противника, громить их обозы, пути снабжения припасами, уничтожать склады, магазины, не вступая в серьезные столкновения с регулярными частями. В общем, создать большой шум в тылу врага без особого риска для себя.

Ночь почти не спал, мешало волнение и всякие думы, как под Вязьмой, решается судьба войны, а также моя личная воинская, состоюсь ли я как полководец в масштабной битве с сильным врагом. Меня особо не беспокоят слава, почести, всенародная любовь, хотя они, конечно, совсем не лишние, будоражит само испытание. Замечаю в себе даже некоторый азарт, интригу в предстоящем сражении, похоже, что я постепенно пропитываюсь воинственностью, как профессиональный вояка.

Ранним утром выводим войска из лагеря на исходные рубежи. Выдвижение идет без особой суеты, каждый знает распорядок и свое место, в течении еще часа наше войско заняло запланированную линию. По центру нашего фронта выстроился в сплошном десятишереножном строю Большой полк, по флангам расположилась тяжелая конница Правого и Левого полков. В лесу схоронилась легкая конница рейдовой группы, после завязки боя Большим полком скрытым маршем последует в тыл противника. На флангах разместили в укрепленных редутах

тяжелые пушки, перед ними заняли позиции Резервный полк и шведский отряд Делагарди. Легкие пушки на передвижных лафетах находятся в боевых порядках войск, поддержат при атаке неприятеля, это тоже одно из использованных нами новшеств, как и барабанщики в каждой роте, задающие ритм шага пехоты в атаке.

Противник также готовится к бою, его позиции в версте от наших. Выстроил свое войско привычными коробками коронной пехоты, литовских мушкетеров, ополчения шляхтичей – «посполитым рушенням», между ними отряды – хоругви тяжелой конницы, гусар и рейтаров, по флангам легкая кавалерия драгун и панцерных казаков. Артиллерия установлена между коробками войск за земляными валами, пехотного прикрытия у нее нет.

Сражение начала наша тяжелая артиллерия, открыв стрельбу по пушкам неприятеля, находящимся в пределах досягаемости. Конечно, точность огня далека от идеала, больше смахивает на стрельбу по площади, но все же дает результат, есть удачные попадания, ответный огонь пушек противника гораздо слабее. После получасовой артподготовки по сигналу горна наш Большой полк пошел в атаку, держа линию, под ритм барабанов. Одновременно начала движение конница фланговых полков, выдерживая общий строй. Сейчас ее задача не атака вражеских войск, а предотвратить фланговые удары кавалерии противника.

В ответ противник бросил нам навстречу свою тяжелую конницу – хоругви гусар и рейтар. Большой полк не дрогнул, по сигналу горна строй встал, а затем дружным огнем стрельцов первой шеренги и легкой артиллерии встретил надвигающуюся конницу. Тут же выдвинулась вторая шеренга, произвела свой залп, ее сменила следующая. Практически залпы шли безостановочно, конница поляков не выдержала, понеся ощутимые потери, в полном беспорядке отхлынула назад. По сигналу Большой полк вновь продолжил атаку, с короткими остановками для стрельбы уже по пехоте.

Выйдя на дистанцию уверенного поражения противника строй встал, началась перестрелка между нашими стрельцами и мушкетерами врага. Здесь явно сказалась большая плотность огня нашего развернутого строя, обе стороны несли потери, но противник намного больше. Ситуация явно складывалась в нашу пользу, противник не выдержал, бросил все резервы против нашего Большого полка, несколько раз предпринимали атаку все хоругви конницы, как тяжелой, так и панцирной. Вступила в бой наша кавалерия фланговых полков, отбивая попытки прорыва фронта вражеской конницы. Стрельцы Резервного полка и наемники Делагарди по ходу боя сменяли воинов Большого полка, давая им возможность отдыха, так поочередно отбили все атаки противника.

Наступил переломный момент, силы врага истощены, наша тяжелая кавалерия приступила к выполнению главной задачи – прорыву ослабевшего фронта на флангах, окружению и разгрому основных сил неприятеля. Ее успеху способствовала паника, возникшая в тылу противника от атаки рейдовой группы Семена Ододурова. Одновременно усилили напор Большой и Резервный полки, не давая возможности переброски сил противника в зону фланговых прорывов. Враг не выдержал удара наших войск со всех направлений, дрогнул, стал отступать, вначале еще пытаясь оказать сопротивление, а потом в панике побежал. Наша кавалерия бросилась преследовать бегущего противника, пехотные полки после непродолжительного отдыха скорым маршем отправились к Смоленску.

Все воины нашего войска в великой радости, враг разбит и бежит, но расслабляться нельзя, надо продолжить его преследование. Сейчас нельзя дать ему возможности прийти в себя, собрать рассеянные после боя силы, да и нужно максимально реализовать воодушевление наших воинов, пока не пропал запал и не наступила усталость, физическая и духовная. Через час с небольшим подходим к предместьям города, разведка доносит о спешном уходе оставшейся на осаде Смоленска части польских войск. Они оставили на своих позициях все снаряжение – обозы, осадные пушки, склады, боеприпасы и продовольствие. Оставляем под городом Резервный полк, раненых, тяжелую артиллерию, освобождаем гужевого транспорт, как

свой, так и захваченный, от груза, садим на них пехоту с минимально необходимым припасом и отправляемся вдогонку отходящему противнику.

Даю наказ остающемуся Корниле Чоглокову, воеводе Резервного полка, зачистить окрестности Смоленска от остатков сбежавших после разгрома польских отрядов, вместе с воеводой Смоленска Михаилом Шеиным организовать скорую отправку обоза с необходимыми припасами и провиантом вслед преследующему врага войску. Сам же с основной группой войск в максимально возможном темпе отправляюсь по следам еще не битых поляков. Наша разведка висит на их «хвосте», арьергард неприятеля в двух верстах впереди нас, с каждым часом отрыв уменьшается. Через три часа настигаем его, с ходу сминаем оставленный заслон, разворачиваем Большой полк и отряд Якоба Делагарди в строй, идем в атаку на остановившегося врага.

Противник пытается построиться в боевой порядок, но мы не даем ему такой возможности. Стрельцы уже приблизились на дистанцию выстрела, открыли огонь по толпе неприятеля, иначе нельзя назвать мечущееся сборище воинов противника, окончательно растерявшихся и деморализованных. Через несколько минут бойни, враг почти не отвечал на наш огонь, он сдался, выбросил белый флаг. Отправил часть полка с младшим воеводой Лазарем Осининым продолжить преследование группы поляков, не принявших бой и бежавших дальше. Сам остался на месте последней баталии, дал команду обустроить временный лагерь со всеми привычными укрытиями. Несмотря даже на то, что боеспособных вражеских отрядов рядом просто не может быть, но не позволяю командирам и воинам терять бдительность и расслабиться.

Уже вечер, заканчивается особо памятный для меня, да и, по-видимому, для всех участников сражения, день, трудный, полный драматизма и волнений, но принесший нам победу, великую радость. Враг разбит, сейчас нам предстоит освобождение ранее занятых им земель до самых границ Русского государства. Пришел обоз из Смоленска с провиантом, фуражом и другим снаряжением. Приготовили богатый ужин, каждому дали по чарке вина, кроме караульных сторожевой службы. Послушали от сопровождавших обоз наших ратников и гостей из Смоленска последние новости. В городе все празднуют освобождение от осады, с великими почестями встретили наше войско, оставшееся под городом.

К закату вернулся Лазарь Осинин с воинами, ведя около сотни пленных. Погибших у него нет, несколько ратников получили ранения. Точных сведений о потерях обеих сторон у меня еще нет, есть предварительные данные по генеральному бою с основными силами противника. В той битве нами уничтожены или захвачены в плен свыше 12 тысяч воинов врага, у нас убиты около тысячи, еще две с лишним тысяч ранены. В этом последнем бою без каких-либо потерь с нашей стороны выведены из строя еще около трех тысяч поляков и их союзников. Окончательные данные будут известны после возвращения нашей кавалерии, сейчас громящих остатки основных сил врага.

Утром следующего дня уже не спеша вернулись к Смоленску, встали лагерем под городом. Здесь кроме Резервного полка застали кавалерию Правого и Левого полков, легкую конницу рейдовой группы, в лагере собралось все наше войско. Вместе со старшими воеводами отправился в город к воеводе Михаилу Шеину. Город встретил нас колокольным звоном, у раскрытых ворот ждали с хлебом-солью сам воевода и его соратник Петр Горчаков. Мы обнялись, радость и уважение друг к другу сблизили нас, каждый честно и с толком исполнил свой воинский долг. Вдоль всего пути в Кремль нас приветствовали ратники и мирные жители, девять месяцев стойко защищавшие свой город от польско-литовских захватчиков. Мы ответно кланяемся, отдавая дань их мужеству. В Кремле нас ожидал пир, весь цвет Смоленска желал нам здравия, благодарил за великую победу над врагом, державшим город в осаде.

На следующий день на совете воевод, с приглашенными воеводами Смоленска Шеиным и Горчаковым разобрали итоги боев с польско-литовским войском за минувший день. По докладам Головина и Шереметева ясно, что вражеского войска практически нет, все более-менее боеспособные отряды разгромлены и уничтожены, спастись удалось мелким групп-

кам или одиночкам. Король Сигизмунда III бежал среди первых, как и гетман Петр Конашевич-Сагайдачный, настичь их не удалось. Захвачен в плен Лев Сапега, бывший со свои литовским войском до конца, прикрывая отход короля.

Общие потери неприятеля убитыми, ранеными и захваченными в плен составили 18 тысяч человек из начальных 22 тысяч, результат выдающийся! С нашей стороны убиты и ранены менее четырех тысяч ратников, сейчас лекари борются за жизнь каждого страдальца. С моего настояния они ввели в свою лечебную практику промывание ран хлебным вином, дезинфекцию перевязочных материалов кипячением, а также мыть руки перед каждой операцией. Кроме того, к каждой роте прикрепили санитаря, оказывающего первую помощь раненым на поле боя. Эти простые меры помогли выжить не одному пострадавшему, уменьшили потери от ран почти вдвое.

Также на совете обсудили и приняли план нашей дальнейшей компании по очищению русской земли от польско-литовской оккупации. Необходимости бить врага одним мощным войском нет, для скорейшего освобождения захваченных территорий решили разделиться на три группировки (рати). Центральную буду вести я сам в сторону северской земли, к Стародубу, Новгород-Северскому и Чернигову. Моя задача не только в освобождении от поляков, но и наведении порядка в этом бунтарском крае, «северской вольнице», полном беглых холопов и других лихих людей. Здесь вотчина, опора все еще опасного Лжедмитрия II, придется сразиться с войском самозванца. В моем ведении весь Большой полк, легкая конница Передового полка. Вторая рать под командованием Семена Головина идет севернее, к Родню, Починку, Рославлю, в ее составе Правый полк и отряд Делагарди. Третья под руководством Федора Шереметева направится на юг, в Курск, Кромы, Рыльск, в ней Левый и Резервный полки а также легкая конница рейдовой группы. Руководство всем войском остается за мной, общая ставка планируется в Новгород-Северском.

Глава 3

Две недели стояли лагерем под Смоленском, пополняли припасы и снаряжение, приняли новобранцев взамен выбывших. Получили от царя грамоту с поздравлением и благодарностью за великую победу и наказом очистить землю русскую от непрошенных иноземцев. Зачитали эту грамоту в полках, воины приняли благосклонно, она близка их душевному настрою. Понимаю, что, несмотря на слабости Василия Шуйского как государя, сплочение армии и народа вокруг него скорее покончит со смутой, разбродом в умах и сердцах простого люда. Он устал от лихолетья, ему нужна надежда, уверенность, что власть наведет порядок, воссоздаст сильное государство, способное защитить своих подданных от всех невзгод, потрясающих пока страну.

Наша победа оказывает действующему царю большое подспорье, распространяет его влияние на большую часть страны. Это осознают все государственные мужи – царь, Боярская дума, – в грамоте мне даются широкие полномочия, вплоть до принятия самых решительных мер в освобождаемых землях, особенно в «северской вольнице», не признающей Василия своим государем. Именно здесь начали свои походы на Москву Лжедмитрии, что Первый, так и Второй.

Правда, сейчас этот край разорен и обескровлен польскими захватчиками, а в особой мере – бесчинствами запорожцев, выступавших на стороне Речи Посполитой. Так, Стародуб был сожжен казаками атамана Искорки. Русские люди героически защищали город, бросались в огонь, но не сдавались. Подобную судьбу разделил еще один город – Почеп, сожженный поляками, при защите крепости погибло более 4000 русских. Взят и разграблен был и Чернигов.

Запорожцы проявили столько жестокости при взятии северских городов, что Сигизмунду пришлось издать особый универсал, чтобы впредь в подобных случаях поступали «кротко». Лишь Новгород-Северский в апреле этого, 1610 года был взят без большого кровопролития. Наряду с запорожскими казаками особым «геройством» на северской земле отличилась крупная полуразбойничья банда Александра Юзефа Лисовского, шляхтича, бывшего польского гусара. Среди его воинов обнищавшие шляхтичи, казаки, профессиональные солдаты – авантюристы из различных европейских стран.

В начале июля тремя колоннами наше войско выступило в поход: рать Семена Головина к западным рубежам, моя – на северскую землю, Федора Шереметева – на юг, к порубежью с Запорожской Сечью. До Брянска обе наши с Федором рати идут вместе по незанятой врагом территории. Несмотря на неоднократные попытки захвата поляками и запорожцами город остался под рукой русских войск, сейчас там воеводой Василий Шереметев, троюродный брат Федора. В Брянске не стали задерживаться, после краткой встречи с воеводой мы отправились далее, каждый по своему маршруту.

Первый захваченный врагом город – Трубчевск мы заняли без какого-нибудь промедления, при появлении нашего авангарда противник спешно оставил его, уходя с минимальным обозом и снаряжением. Отправили вдогонку отряд легкой конницы и часть пехоты на повозках, сами встали на дневную стоянку около города. Оставили в нем свой гарнизон, я назначил коменданта, здесь будет опорная база нашего войска, со складами, магазинами, арсеналом. И в дальнейшем в каждом крупном поселении мы создавали подобные базы, увеличивая тем самым маневренность наших отрядов, освобождая их от необходимости брать с собой громоздкие обозы.

Здесь мы вновь разделились, часть полка с приданной группой конницы под командованием младшего воеводы Лазаря Осинина отправилась к Почепу, Стародубу и Поповой Горе, я же с оставшимися прямым курсом направился к Новгород-Северскому, центру северской земли. В нем будет основной лагерь наших войск на этой земле, последующие рейды будут исходить из него. Путь наш идет по правобережью Десны, местность холмистая, с частыми

оврагами, требует от нас особой бдительности. В ходе марша на нашу колонну не раз совершали наскоки конные группы запорожцев и поляков, внезапно вылетая из-за холма или устраивая засады в оврагах. У нас уже есть потери, несмотря на принятые меры охранения и дозоры, слишком много скрытых мест, удобных для нападающих.

На четвертый день подходим к окрестностям Новгород-Северского, признаков отхода противника нет. Напротив, все чаще вокруг нашей походной колонны вьются как комары вражеские разъезды, стараясь побольнее укусить и тут же отступить. Отвлекаться на преследование мелких групп неприятеля не можем, надо сначала взять опорные пункты, а потом будем зачищать весь район. Без особых помех берем город в осаду, занимаем подходящие позиции перед ним и разбиваем лагерь.

По сведениям, добытым от «языков», в городе около двух тысяч неприятельских пехотинцев, да и в окрестностях порядка трехсот кавалеристов, ведущих против нас партизанскую войну. Настрой у защитников решительный, сдавать город не намерены. По видимому, надеются отсидеться до прихода новой армии Сигизмунда. К тому же надежды поляков еще подпитываются удачным примером защиты этой крепости в 1604 году, когда полуторатысячный гарнизон под командованием Петра Басманова смог отбить все атаки вдвое превосходящего войска Лжедмитрия 1, несмотря на попытки поджога деревянной крепости и применение осадной артиллерии.

Собираю на совет всех воевод, решаем, как занять крепость. Устраивать долгую осаду и брать на измор защитников нам не приемлемо, теряем стратегическую инициативу. Следовать примеру запорожцев и поляков, поджегших Стародуб и Почеп, также нельзя, нам здесь обустриваться, да и в городе остались еще мирные жители, в основном женщины, дети и старики. Мужчин поляки угнали на восстановительные работы, часть в Литву и Корону (Польшу) в рабство к местным шляхтичам.

Затапливать город, как в Туле, нет возможности, он на высоком берегу Днестра. Обсуждались подрыв ворот и стен, тайные подкопы, но опыт осады Смоленска показал низкую их эффективность, хотя попытаться надо, возможно, поляки не столь бдительны и умелы в обороне. Хороший совет дал Андрей Голицын, предложил вначале подавить вражескую артиллерию, а затем прокопать под защитой ров к самой стене и подорвать ее. Можно сказать, он открыл нам применение сапы, не ожидал от него такого креатива.

В конечном итоге после бурного обсуждения всеми воеводами приняли комплексный план взятия крепости. Готовим штурмовые группы из наиболее опытных и решительных командиров и воинов для ведения боя как на стенах, так и внутри крепости. Наша артиллерия принимается за подавление огня вражеских пушек, а также разрушение ворот и стен. Основная часть пехоты займется земляными работами, будет прокапывать рвы к стенам, а также траншеи, их в Европе называют апрошами, для обустройства позиций стрельцов, будут выбивать вражеских стрелков. С нескольких сторон также будут скрытно рыться тоннели для закладки бомб под стены. Конница будет защищать пехоту от вылазок вражеской кавалерии, а при подрыве стен и ворот стремительным маршем займет места прорыва до подхода штурмовых групп, а затем поддержит их в уличных боях.

Как требуют принятые правила ведения осады направляем к главным воротам парламентария с предложением о капитуляции. Полковник, командир польского войска, отказался, с гонором истинного шляхтича, заявил: Естэщче – быдло! Польша не поддае щэн! Москаль не вэйдже, сгинемо, але не пущимо (Вы быдло! Польша не сдастся! Москаль не войдет, умрем, но не пустим).

Дальше уже действовали по плану, первыми начали пушкари, выдвинувшиеся на переднюю линию наших позиций. Они открыли стрельбу по орудийным башням и камерам в стене, чаще ядра пролетали мимо цели, но были и накрытия. Противник ответил своим огнем, но он гораздо слабее, как меньшим количеством орудий, так и их калибром, да и дальностью усту-

пает нашим полевым пушкам. Поражения нашей артиллерии практически нет, было только одно попадание картечью поблизости от ее позиции. Час за часом двенадцать орудий батареи, сменяя друг друга, вели огонь, постепенно выбивая артиллерию неприятеля. Пришлось даже менять стволы, пошли трещины, один ствол разорвался, поразив обслугу. Но через три часа наши бомбардиры задачу выполнили, противник перестал отвечать на огонь.

Пришел черед пехоте рыть извилистые ходы сообщений сначала к стене, а затем вдоль него, под вражеским мушкетным огнем. Позаботились их защитой ограждением из мешков с землей, да и роют они, не высовываясь из траншеи. Работа идет посменно, не прерываясь на ночь, к середине следующего дня основная линия апрашей готова, ее занимают стрелки, заводят перестрелку с мушкетерами противника, отвлекают их на себя. Наши землекопы тихой сапой прокапывают сразу с трех направлений рвы прямо под стену крепости, кроме того, тайком, ночью, роют подземные ходы к стене для закладки бомб. Еще через сутки землекопные работы закончены, наши саперы закладывают пороховые бомбы во всех прорытых ходах.

В предрассветный час все наше войско собралось на изготовку у мест подрыва, впереди штурмовые отряды и конница. Как только прогремели мощные взрывы и стены начали рушиться, они бросились в атаку. Первыми добрались кавалеристы, схватились в прямой сече с защитниками, дежурившими на стене около прокопанных рвов, конечно, из числа уцелевших после взрыва. Через минуту подоспели штурмовики, стали отдавливать противника от стены. А дальше с обеих сторон подошла подмога, пошла рубка.

После первых минут сутолоки наши воины сумели разобраться, встать в сплошной строй и начать теснить врага. А в проемы вливались все новые роты полка, расходясь вдоль стен и дальше по улицам и проулкам города. Враг сопротивлялся отчаянно, за каждый дом, улицу, площадь, но все же тройной перевес в силах сказался, сумели одолеть его. К вечеру нам удалось полностью зачистить город от неприятеля, потушить начавшиеся пожары, а также задержать мародеров, как среди своих воинов, так и местных жителей. Назначенный мной комендантом города Тимофей Шаров и его гарнизонная команда принялись за наведение порядка, задержанных воинов передали в их роты, пусть товарищи сами разберутся с отступниками.

Результаты штурма крепости не совсем утешительные для нас, хотя мы сравнительно быстро, за три дня, заняли его. Почти тысяча наших воинов вышла из строя, из них треть убитыми. У противника потерь больше, около полутора тысяч, среди них полковник, отчасти сдержал свое слово, остальные взяты в плен. С такими жертвами может не хватить сил для взятия других крупных поселений и крепостей – Чернигова, Путивля, Севска. Надо бы узнать, что происходит у Лазаря Осинина, а также в других ратях, но пока отправлять нарочных к ним опасно, а снаряжать большие отряды будет не совсем рачительным, распылять свои силы. Придет время, все прояснится.

Ловлю себя на минорном настрое, серьезные трудности только наступают, а я кисну. Могу оправдать только душевной усталостью, почти два месяца в боях, походах, вокруг кровь и смерть. Моя прежняя натура кабинетного специалиста из 21 века не выдерживает привычного здесь насилия, беззакония, в особой мере – всеобщего раздрая Смутного времени. Иногда появляется желание все оставить, как есть, забиться в нору, никого не видеть и не слышать.

Но встряхиваюсь, я влез в эту сумятицу, вольно или невольно, теперь отступать нельзя, если хочу уважать себя, да и как можно подводить своих товарищей, воинов, поверивших мне, готовых на любые подвиги по моему приказу. Да и свой народ, слагающий обо мне песни с надеждой, что я принесу в страну спасение и мир. Песни я слышал не раз в городах и селениях, особенно распространившиеся после наших побед под Вязьмой и Смоленском, как эта:

Чье войско покрыло себя славой в сражении за Тверь и Москву,
В битве при Вязьме, Смоленске и других боях.
А кому будет божья помочь
Скопину-князю Михаилу Васильевичу:

Он очистит царство Московское
И велико государство российское.

Осмысливаю штурм крепости, что же я упустил, не продумал, как же в будущем не допустить таких потерь. Первое, что приходит в голову, нельзя вступать без крайней нужды в прямое столкновение, резню с врагом, наше главное преимущество – массированный огонь на дистанции. Также надо освоить правильную тактику боя в уличных сражениях, не попадаться в засады из-за домов, деревьев, умение зачищать дома, дворы от неприятеля. Именно бои в ограниченном городском пространстве привели к половине наших потерь. Надо организовать не только штурмовые отряды прорыва защитных средств и сил противника, способные с минимальными уроном для себя опрокинуть врага, но и специальные группы из пехоты и конницы, четко взаимодействующих в уличных боях.

Собираю своих воевод, привожу резоны о недопущении лишних жертв, меры новой тактики освобождения крепостей. Мои помощники в какой-то мере поражены моим отношением, для нынешней армии большие потери при штурме естественны, наши еще вполне умеренные, даже малые. Но они уже привыкают, что надо воевать по новому, вместе прорабатываем учебу нашего войска предлагаемой тактике. Затем отрабатывали ее в лагере, в специально построенном городке, имитирующем реальные городские условия. Две недели прошли в напряженной учебе войск, формировании отрядов и групп, слаживанию их действий.

Параллельно вели зачистку окрестностей Новгород-Северского от остатков польских войск, конных групп противника, все еще не покинувших эти места, несмотря на взятие города. Здесь хорошо помогли нам местные жители, знающие потайные места и тропы, с их помощью нашли вражеские базы, устроили засады и ликвидировали большинство партизанских отрядов неприятеля. Окрестности стали намного безопаснее, да и наши дозорные группы постоянно дежурили на трактах и проселках.

Отношения с местным населением сложились в меру терпимыми, никакой любви к нам нет, мы для них сатрапы непризнанного ими царя. Но все же наша неустанная забота о безопасности города и населения, какая-то помощь нуждающимся в продовольствии, хозяйственном и другом снаряжении в их разоренных поляками домах как-то сделали лояльнее к нам. По крайней мере, нет провокаций и оскорблений, других недружественных действий к нашему войску.

В последних числах июля выходим на Чернигов, в лагере осталась малая часть для несения караульной службы и раненые. В походном строю около трех тысяч пехотинцев – стрельцов, копейщиков, ополченцев, с ними тысяча всадников Передового полка, полевая артиллерийская батарея с 10 орудиями, а также два десятка полковых пушек – фальконетов. Путь наш продолжается по правобережью Десны, рельеф тот же, изрытый оврагами. Иногда тракт отдается от реки, она здесь часто петляет, затем вновь идет вдоль нее.

Вражеские разъезды пока нам не встречались, но наши дозорные настороже, где-то поблизости должны быть нереестровые запорожские казаки, цепные псы польских хозяев. Чернигов удерживается под их рукой, нам придется воевать именно с ними, а не поляками. Они «славятся» своей безжалостностью, после захвата города ограбили его, увели в плен много молодых и сильных мужчин, девушек для продажи в рабство крымским татарам. Командует черниговским гарнизоном атаман Каленик Остапович, под его началом 600 строевых казаков, ватаги бродячих казаков с Дона и Днепра, литовские и польские наемиты, всего полторы тысячи воинов.

Ближе к Чернигову начались стычки с отрядами запорожцев, наскоками вылетающими из засад, после залпа тут же улетающими. К колонне их не подпускаем, боковое охранение встречным огнем пресекает их попытки приблизиться, но все же есть раненые, правда, пока обходится без жертв. Сумели изловить нескольких казаков, хорошенько «расспросили» их, теперь у нас есть достаточная информация о крепости, его оборонительной системе, гарнизоне,

настрое защитников. Среди нет такой сплоченности, как у поляков в Новгород-Северском, сброд колеблется, появились дезертиры. Костяк обороны составляют нереестровые казаки, те полны решимости удержать крепость.

Крепость аналогичная Новгород-Северской, земляной вал, ров, двойные деревянные стены с грунтовой прослойкой, угловые башни с пушечными позициями, вдоль стен камеры для пушек. Всего пушек у неприятеля около двух десятков, от сравнительно новых фальконетов до старых кулеврин и «тюфяков». Калибром и дальностью уступают нашим полевым пушкам, так что у артиллеристов проблем не должно быть. Решили применить отработанную в Новгород-Северском схему подавления огня вражеской артиллерии и разрушения оборонительных сооружений – подкопы, апраши, траншеи и рвы, подрывные бомбы.

Подготовку штурма провели аналогично, после предложения о капитуляции, на которое атаман даже не соизволил ответить, а открыл стрельбу из пищалей по парламентарю, наша артиллерия подавила огонь вражеских пушек, только времени для этого понадобилось меньше, два часа. Затем двое суток, днем и ночью, рыли ходы, заложили бомбы в подкопах. Здесь враг устроил нам «сюрпризы», обнаружил наши скрытые тоннели и подорвал их. Но нам хватило подкопов, прорытых тихой сапой, на рассвете подорвали стены в трех местах, штурмовые группы приступили к взятию первой линии обороны неприятеля.

По отработанной в лагере тактике они оттеснили врага от стены, затем, не вступая далее в прямой контакт, огнем расширили плацдарм, тут подключились специальные группы, зачищающие ближайшие улицы, а за ними уже вошли пехотные роты и конница. Нам хватило полдня для взятия под полный контроль крепости и города с минимальными потерями, впятеро меньшими, чем в Новгород-Северском. После прорыва стены большая часть защищающихся сдалась нам, упорное сопротивление оказали запорожцы, но мы их выбили со всех опорных пунктов огнем из пищалей и фальконетов. Потери противника в основном из них, около пяти-сот казаков выведены из строя, остальные войска взяты в плен.

Результатами штурма я доволен, и не только малыми потерями, но и слаженностью наших групп, они действовали превосходно. Конечно, не спецназ, но для нынешнего времени да и еще впервые весьма достойно, на голову превосходя противника в противоборстве, не давая ему возможности закрепиться и организовать отпор, ни на минуту не останавливая напор и огонь. С такими решительными и обученными воинами и их командирами можно достигнуть самых великих побед. Душу греет понимание, что я сам приложил к этому усилия, знания – мои и Михаила, свой ум, в немалой степени способствовал такому успеху. По настрою воинов после боя вижу огромное воодушевление, радость победы и скорого освобождения страны от незваных иноземцев и других врагов.

Приходит мысль, что своими триумфальными свершениями мы коренным образом меняем историю страны. Не будет двух лет польского господства в стране, двух освободительных ополчений, подвига Минина и Пожарского. Но и нельзя допустить прихода к власти Семибоярщины, устроивших заговор против Василия Шуйского, а затем призвавших на царствование Владислава, сыны Сигизмунда III. Кроме заговорщиков – Ляпунова, Салтыкова, Хомутова и еще нескольких бояр, представляют особую опасность могущественные кланы – Голицыных, Романовых, Трубецких, также планирующих сместить Шуйского и поставить своего царя.

Теперь, когда с внешним врагом в основном покончено, мне надо хорошо подумать, как побороть измену бояр, причем из самых могущественных, с которыми не может справиться Шуйский, нет у него такого влияния и силы, как у Ивана IV Грозного. Но без решения этой проблемы Смута продолжится дальше, найдется очередной кандидат в цари или клан, желающий отнять престол у нынешнего правителя. Возможен другой вариант, сменить нынешнего царя на другого лидера, более авторитетного, способного твердой рукой править государством. В этом плане представляет интерес клан Романовых, трехсотлетним правлением в прежней

истории доказавшим свою силу. Только я в их раскладах окажусь совершенно лишним, как возможный конкурент.

Мы провели в лагере под Черниговым пять дней, зачищали окрестности от разбежавшихся казаков, искателей легкой наживы, коих здесь предостаточно, других лихих людей. Затем, оставив в крепости гарнизон, переправились через Десну и направились к Путивлю, окруженному отрядами запорожских казаков. Сам город-крепость удерживается нашими воинами под руководством воеводы Тимофея Юрьевича Мещерского. Расположен город на нескольких холмах на правом берегу Сейма среди дремучих лесов, его крепость считается наиболее сильной и укрепленной в северском крае, он единственный с каменными стенами.

Левый берег Сейма – плоская низменная равнина, покрытая редкими перелесками, здесь начинается Великая Степь или Дикое поле, когда-то край кочевников, затем татаров, теперь вотчина запорожских казаков. Сейчас Сечь на вражьей стороне, куплена Речью Посполитою. Пройдет еще добрых сорок лет, Великий гетман Богдан Хмельницкий восстанет против поляков, повернет Запорожье к союзу с Россией. Но это в будущем, пока же казаки наши враги, более безжалостные и дикие, чем их хозяева. Путивль для них как кость в горле, не дает им безоглядно хозяйничать на юге северской земли. Уже не один год запорожцы предпринимают попытки взять его, но безуспешно, теперь кружат как тати, разбоем и террором держат край в страхе.

Глава 4

Идем широким фронтом по правобережью Сейма, проводим тотальную зачистку на полосе шириной в десяток верст. Впереди дозорные, затем линейная цепь стрельцов, за ними в походном строю колонны остальных пехотинцев и конные группы резерва. При обнаружении противника наш резерв устремляется на помощь стрельцам, массированным огнем выбивает неприятеля из балки, чащобы, а дальше вступает в дело конница, преследует и добивает врага. Чем ближе к Путивлю, тем чаще происходят столкновения с казаческими отрядами, темп продвижения снижается, идем с максимальной осторожностью.

У самой крепости кругом стоят в своих бивуаках основные силы запорожцев, по предварительным подсчетам наших разведчиков около семисот сабель, в основном легкая конница. Нельзя дать им возможности уйти, проводим фланговый охват и окружение противника. Подтягиваем все роты полка и кавалерию на блокаду неприятеля, перехватываем прорывающиеся отряды, залповым огнем отражаем конные атаки. Враг отступает, вынужденно занимает оборонительные позиции, здесь приступает к их поражению наша артиллерия, как полковая, так и полевая, не жалея пороха и картечи. Под сплошным огнем противник не выдерживает напора, один за другим его отряды выбрасывают белый флаг, через несколько часов сопротивление все вражеских сил, оказавшихся в окружении, подавлено, неприятель капитулировал.

Встретился с воеводой Путивля Тимофеем Мещерским, обсудил с ним наше дальнейшее взаимодействие. Обязал воеводу вести постоянную дозорную службу на порубежье, а не ограничиваться сидением в крепости, оставил ему в помощь две сотни конницы. После дневного отдыха продолжаем освободительный марш с прочесыванием полосы вдоль реки в направлении Рыльска. С ним ситуация аналогичная Путивлю, тоже под нашей рукой, а прилегающие окрестности контролируются казаками. По плану похода наши с Федором Шереметовым рати встречаются под этим городом, затем будем согласовывать дальнейшие действия. Поход до Рыльска занял неделю, шли вдоль Сейма, уже не отрываясь от него. Река на этом протяжении идет по большой дуге, вдвое увеличивая нам путь.

Зачистили полосу движения от разбойных отрядов не только казаков, но и лихих людей, сбившихся в ватаги и промышляющих грабежами, легко идущих на убийство несогласных отдать свое добро. В разборе с задержанными разбойниками мне пришлось учинить суд высшего воеводы, правом которого меня наделил царь в своей грамоте на освобождаемых землях. По ней мне также дано право снимать и назначать воевод крепостей, городов, полков и ратей. Чем я, кстати, уже воспользовался, когда назначил командующими Семена Головина и Федора Шереметева, нарушив право местничества, по старшинству рода, на которое ссылались Андрей Голицын и Данила Мезецкий, претендуя на командование.

Разбирательства я проводил в ближайшем селении, направлял гонцов к жителям окрестных деревень с призывом на суд по правде с разбойным людом. Таким ведением дела я в глазах местных селян показывал себя строгим, но справедливым вершителем правосудия, с другой стороны незаметно связывал их сотрудничеством с царской властью. По приговору собравшихся жителей мои воины справляли скорое его исполнение, на глазах присутствующих расстреливая врагов. Так за время нашего марша происходило трижды, слухи о праведном суде распространялись практически мгновенно, народ на последнее собрание прибыл во множестве, с женами, даже малыми детьми, как на зрелище.

На подступах к Рыльску также, как и в Путивле, встретили крупные отряды запорожцев, но они не стали ожидать встречи, отступили от города в сторону Сейма, а когда наше войско стало преследовать их, попытались уйти в отрыв. Направил за ними конницу и десант пехотинцев на повозках, сам же с основным войском занял лагерь под городом. Едва мы расположились напротив главных ворот крепости, как оттуда выехала представительная делегация

во главе с воеводой Елецким Федором, еще молодым, но уже тучным боярином. Представившись мне, он пригласил в воеводскую канцелярию для оговаривания нужд города и крепости.

В канцелярии Елецкий сразу приступил к жалобам о недостатке средств на содержание крепости и его гарнизона, проблемах с местным населением, фактически не исполняющим решения своего главы. Стараясь не показывать своей неприязни, возникшей едва ли не с первой минуты нашей встречи, выслушал доводы горе-воеводы, о предпринимаемых им мерах, ратной службе вверенного ему гарнизона, убеждаюсь в своем первом мнении, что воевода из Елецкого никудышный, безынициативный и некомпетентный, назначенный благодаря своим влиятельным родичам. Лучшее впечатление произвел второй воевода, Василий Малеев, больше молчавший при нашей беседе, только изредка вступавший с ответом на вопрос, ставивший в тупик первого воеводу.

После завершения долгого разговора высказал желание осмотреть крепость и город, обошел все важные для обороны объекты, мастерские, кузни, оценил состояние города, явно проигрывающему Путивлю с хозяйственным Мещерским. В завершении встречи вынес вердикт об отстранении Елецкого от воеводства, передаче им дел второму воеводе. В первую минуту Елецкий потерял дар речи, его рыхлое лицо размякло, передернулось в гримасе непонимания, а затем побагровело от злости. Наконец, собравшись, он со спесью, выпятив грудь и подбрав огромный живот, высказал: Михайло Васильевич, меня поставил на воеводство государь, Василий Иванович, и не тебе его лишать!

Не вступая с ним в какие-то объяснения, показываю ему грамоту царя, он порывистым движением руки выхватывает ее, а затем сосредоточенно читает, вновь перечитывает, потом обмякает. После проговаривает: Я немедленно выеду в Москву, там мы сочтемся!

Вот так я заимел еще одного врага из знатного рода, имеющим своих родичей в Боярской думе, воеводствах и Приказах.

После того, как Елецкий оставил нас, обсудил с Василием Малеевым городские заботы, выслушал и поддержал намерения нового воеводы в обустройстве города и крепости, довольно резонные. Предложил помощь ратными людьми и снаряжением, но, также как и Мещерскому, обязал вести дозор на порубежье, нарезал участок его ответственности между Путивлем и Льговом. После трапезничали в доме Малеева, познакомился с его большой и дружной семьей. Невольно загляделся на старшую дочь-красавицу, только вступающую в пору расцвета. Ловлю себя на грешной мысли, очевидно, сказывается долгое отсутствие женской ласки. Затем совершили обход особо обсуждаемых объектов крепости.

Уже к вечеру вернулся в лагерь, здесь застал Корнилу Чоглокова и его отряд, отправленный вслед отступившим от крепости казакам. Воевода отчитался о рейде, его воины не дали противнику оторваться и скрыться в дебрях правобережья, прижали к реке и вынудили принять бой. Огнем пищалей и полковых пушек сломили сопротивление неприятеля, наша конница довершила разгром бегущего врага. Противник потерял убитыми и ранеными около трехсот воинов, еще двести взяты в плен, у нас убиты и ранены три десятка ратников. Я похвалил Корнилу за грамотно проведенный бой, а особенно за малые потери. Нам дорог каждый воин, закаленный во множестве боях, прошедший новую науку воевать, стоящий один против троих вражеских, а то и более.

Пробыли в лагере еще два дня, войско отдохнуло, подготовило оружие, снаряжение и другое имущество к новому походу и сражениям. Рати Федора Шереметова не дождались, да и не устанавливал я с ним конкретную дату встречи. Следующий наш путь к Севску, важной крепости в глубине северских земель. Идем походным маршем, без прочесывания по ходу движения. Противника по этому направлению почти нет, только однажды наткнулись на шайку запорожцев, пустившихся в разбойный рейд в глубь чужой земли. В скоротечном сражении разбили и рассеяли казаков, они бежали, бросив обоз с награбленным добром.

От пленных казаков узнали о главном нашем сопернике – у Севска обосновался крупный отряд Александра Юзефа Лисовского численностью в три тысячи сабель, сейчас осаждает крепость, грабит и разоряет его окрестности. Противник у нас весьма серьезный, многоопытный и удачливый. Сам Лисовский, литовский шляхтич, высланный из Речи Посполитой за участие в рокоше (мятеже) против короля Сигизмунда Ш, объявился в северской земле в 1607 году во главе небольшого отряда из 200 запорожских казаков. Здесь он развернулся, много и успешно воевал против царских войск в союзе с Лжедмитрием П, со вступлением в войну польско-литовского государства примкнул к его войску. Численность его отряда в разное время колебалась от двух-трех до пяти-шести тысяч всадников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.